

Легкое дыханье

Вер. Ленинград. — 1990. — 13 февр.

ТАНЦА

Сергей ГРИЦАЙ: «В драматическом театре я нашел реальное дело. У меня нет больше сил, чтобы, как раньше, сидеть за письменным столом, сочиняя и придумывая лишь на бумаге. Пока ставить больше негде. Здесь я вижу конкретный и осязаемый результат».

Видели ли вы спектакли «Танго», «Замарашка», «Мастер-класс», «За чем пойдешь, по и найдешь»? Если сумели на них попасть, то несомненно обратили внимание на единый почерк пластических сцен, который появился в нынешнем сезоне в спектаклях разных режиссеров. Если же вы заглянули в театральную программку, то нашли и объяснение этому. Там стоит имя балетмейстера Сергея Грицай.

Из затихшей паузы на удивительно легком дыхании рождается еще не определившийся, почти невесомый жест. Он повторяется, словно в раздумье, тянется и продлевается в плавное движение. И неожиданно перерастает в танцевальное па. Умение думать движением — чудо.

Хореографические эпизоды Сергея Грицай нигде не выглядят вставными номерами. Уровень владения профессией — уникальный. Видна школа — Вагановское училище, балетмейстерский класс Консерватории. Он не только соавтор, но автор конкретных эпизодов спектакля. Можно их вычленил и продемонстрировать как отдельные концертные номера. Но — не стоит. Они живут в контексте спектакля, вписаны в его ритм, логику действия, сценический текст. Представить их вне спектакля трудно. А спектакль без них — невозможно.

Владимир ТЫККЕ, режиссер спектакля «Замарашка» Я.

Гловацкого в Театре имени Ленинского комсомола:

— Если бы меня спросили, кого из своего поколения я считаю истинным интеллигентом, я, не задумываясь, назвал бы Сергея Грицай. В нем настолько гармонично соединено все — и творческая природа, и богатство внутреннего мира, и эрудированность, и дарование, что все это рано или поздно должно было проявиться и быть замеченным...

«Сказочные» интермедии в «Гюремной сказке» Я. Гловацкого — отдельная сюжетная линия спектакля, вылепленная руками балетмейстера. В колонии для несовершеннолетних девочки-заключенные разыгрывают сказку о Золушке. Как в радостном сновидении они наряжаются в театральные белые наряды. Сюжет «протанцовывается» в бессловесных сценах-пантомимах. Здесь-то и становятся видны их истинные отношения друг с другом — пинки и зуботычницы, желания и страхи, страдания и обиды, скрываемые от взрослого мира. Спектакль приобретает неожиданный объем. Психологически точно выстроенные пластические сцены завершает то, что было сказано драматургом — словом, а режиссером — действием.

Семен СПИВАК, главный режиссер Молодежного театра, постановщик спектакля «Танго» С. Мрожека:

— Балетмейстер, понимающий своеобразие работы в театре драматическом, — редкость. Он никогда не ставит просто примитивные «подтанцовки». В пластическом эпизоде он придумывает новую сценическую ситуацию на основе музыки и выстраивает в ней поведение персонажей, их характеры, отношения друг с другом. Он создает пластическую драматургию. Думаю, что, впереди у него путь первого театрального балетмейстера города. Чем он будет заниматься? Мне кажется, он способен поставить на театральной сцене спектакль такого

уровня и жанра, и фильм «Бал»... Или создать театр танца.

Авторская ремарка «танцу-ют танго» в спектакле разрозилась до точно продуманного финала-танца, исполненного философскими размышлениями о судьбе мира, в котором приходят к власти Хамы и Убийцы. Хам Эдек (С. Мухин) властно ведет партнера, вступающего в роли дамы, выделывая с ним немислимые, но исполненные смысла па, в конце концов превращаясь в низ голевой и заставляя на руках уйти со сцены. «Мир перевернулся» — этой сценической метафорой завершается действие.

Дмитрий АСТРАХАН, режиссер спектакля «За чем пойдешь, то и найдешь» А. Островского в АБДТ:

— У Сергея Грицай есть не только творческий взгляд на спектакль, но и умение не вырываться из общего режиссерского замысла. Он не занимается постановкой отдельного балетного номера, а любое движение соединяет с единой танью действия. Он заставляет артиста со средой, с бытом.

В спектакле о Бальзаминове балетмейстер двумя-тремя эпизодами точно расставляет смысловые акценты: танец зашедших в девках сестер Пеженовых, где благообразное кружение оборачивается расхристаным канканом; полубредовый вихрь пляски сходящего с ума от радости Миши Бальзаминова... Поддержав режиссерский замысел, сцены органично вписались в драматическое действие.

Жанр, в котором работает балетмейстер, — хореографическая миниатюра. Пять минут танца заставляют концентрировать идеи и выразительные средства. Характер персонажа выражен в позе, в походке, в

жесте рук — без единого слова. Во взгляде, ритме и темпе задуманного движения. На музыке или в тишине. Фантазия балетмейстера рождает параллельный план действия — пластическую полифонию, которая обогащает драматургию, режиссуре да и спектакль в целом.

Сейчас Сергей Грицай — на расхват. Почти в параллель шли репетиции спектакля «Волшебный орех Кракатук» по Э.-Т.-А. Гофману в детской филармонии, «Изадора, ады!» по воспоминаниям А. Мариенгофа и И. Шнейдера об Айседоре Дункан и Сергее Есенине в «Приюте комедианта», «Елки у Ивановых» обэриута А. Введенского — там же. Балетмейстер не отказывается ни от каких предложений. Часто приходится быть просто педагогом-репетитором — раз за разом технически проходить танец, добиваясь точного воплощения самим же найденного пластического решения.

Но уже предложена постановка музыкально-пластического спектакля. Хотя сам балетмейстер считает, что режиссура — другая профессия.

Екатерина ЕФРЕМОВА

□

На снимке: Сергей Грицай.

Фото А. ДЕМЬЯНЧУКА